

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

Энтони Гилберт (настоящее имя — Люси Беатрис Маллесон, 1899—1973) — известная английская писательница, наследница литературных традиций Диккенса и Коллинза, основательница «Британского детективного клуба». Ее роман «Не входи в эту дверь!» был включен в легендарную «Библиотеку классического детектива» Борхесом и Касаресом. Особое место в творчестве Энтони Гилберт занимает сериал о расследованиях адвоката и талантливого частного детектива Артура Крука.

ANTHONY
GILBERT

.....
THE BELL OF DEATH

ЭНТОНИ
ГИЛБЕРТ

.....
КОЛОКОЛ СМЕРТИ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Г47

Серия «Золотой век английского детектива»

Anthony Gilbert

THE BELL OF DEATH

Перевод с английского *Н.А. Анастасьева*

Серийное оформление

и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств

Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Гилберт, Энтони.

Г47 Колокол смерти : [роман] / Энтони Гилберт ; [пер. с англ. Н. А. Анастасьева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-112487-8

Умолк колокол старинной церкви, веками призывавший прихожан к утренней службе... А несколько часов спустя в ризнице был обнаружен труп загадочного незнакомца. Косвенные улики указывают на то, что убийство совершил церковный звонарь. Однако у Артура Крука имеются большие сомнения в том, что этот тихий семьянин, питающий слабость к домашним растениям, — настоящий преступник.

Но кто же тогда убийца? И что — или кого — видел случайно оказавшийся поблизости юный служка?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Lucy Beatrice Malleson, 1939

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2016

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-112487-8

Глава 1

Без пяти семь ожил, созывая верующих к заутрене, колокол церкви Святой Этельбурги в районе Эрлс-Корт. Мистер Артур Крук, вырванный его протяжным звоном из сладостных объятий сна, взглянул на наручные часы со светящимся циферблатом и проговорил с чувством: «Да поразит тебя гром небесный за все твои грехи». В тот же момент колокол умолк. Мистер Крук прислушался на мгновение, потом еще раз с некоторым удивлением посмотрел на часы. Было без трех минут семь.

«И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь»*, — с некоторым облегчением процитировал он и вернул под одеяло свое расслабленное грузное тело.

Преподобный Генри Фейн, викарий церкви Святой Этельбурги, ворвался внутрь, как обычно, с опозданием на одну-две минуты. Это был благочестивый человек, но, как он утверждал, его постоянно преследовала тень, в чьи обязанности входило

* Соборное послание святого апостола Иакова, 5:15. — *Здесь и далее примеч. пер.*

лишить его малейшего шанса быть пунктуальным. Можно было, в отчаянии признавался он, встать к восьмичасовой службе в половину седьмого, но в семь сорок пять он все еще яростно расчесывал волосы либо искал запропастившийся куда-то носовой платок. И дело тут не в природной лени или медлительности, а в каком-то дьявольском наваждении.

Служка, молодой, шестнадцати лет от роду, рассыльный, появился без четверти семь, когда в церкви было всего двое прихожан, то есть на одного меньше, чем обычно в такое время. Он сразу узнал в этих двух старую мисс Уильямс, жившую за углом, в темном подвальном помещении небольшого дома, и не столь старую миссис Маллинз, хозяйку квартиры над магазином канцелярских товаров. Не хватало же дамы с изуродованной ступней и трясущейся головой. Все понимали, что когда-нибудь ее поразит еще один апоплексический удар и ее жизни придет конец. Мистер Фейн выражал надежду, что произойдет это ночью, ведь, как бы он ни спешил, она наверняка скончается до его появления. Конечно, он мог бы послать вместо себя мистера Бартона, второго священника прихода, но, с точки зрения мисс Бенъон, это было не то. Еще два года назад она взяла с викария обещание, что именно он окажется в нужный час у ее смертного одра и пропоет ей поминальный гимн.

— У вас, мой дорогой друг, это получилось
6 бы гораздо лучше, — говорил мистер Фейн

своему помощнику, — но почему-то никто об этом не думает.

— А ну как врачи порекомендуют ей морское путешествие и она умрет в море? — заметил как-то мистер Бартон, этот неисправимый оптимист, выполнявший все, что миряне могут ждать от второго священника, — начиная с установки дополнительного освещения в зале прихода, где любители устраивали свои театральные представления, и заканчивая уроками, на которых он объяснял любознательным детям, как появляются на свет котята.

«Может, укувыляла куда-то», — с бессердечным равнодушием подумал Стэнли, раскладывая по местам ризы, стихарь, манипулу, епитрахиль и большой молитвенник с золотым крестом на красном переплете. Он огляделся в поисках Ферриса, еще одного церковного служителя, но того нигде не было видно. Была у него такая особенность — исчезать куда-то, особенность довольно неприятная, но, с другой стороны, по нему можно было часы сверять: колокол начинал звонить ровно за пять минут до начала службы. И в это утро, как обычно, он взывал к истинно верующим, грозно упреждал отлынивающих, только вот Стэнли показалось, что на сей раз звон длился меньше обычного.

«Похоже, старина Феррис спит на ходу или еще что, — сказал он себе. — А викарий опять опаздывает. Ладно, пусть прочитают лишнюю молитву, пока ждут». Он погрузился в мечтательные раздумья о мирских делах, от которых его

оторвал бой церковных часов. Впервые за все время его церковной службы он не совпал с окончанием звона колокола. Выходит, что-то случилось, что-то, заставившее Ферриса остановиться на минуту или две раньше. Ладно, неважно, решил он, и в этот самый момент в церковь ворвался, словно за ним гнались медведи, викарий. Минуту спустя оба уже степенно шагали по проходу, направляясь к расположенному в глубине приделу Святой Девы, где на алтаре горели две свечи, а над аналоем склонились две пожилые дамы.

Поправляя лежавший на престоле молитвенник, мистер Фейн шепнул на ухо Стэнли:

— В чем дело, почему звон оборвался так быстро? Это нехорошо со стороны Ферриса, очень нехорошо. Придется поговорить с этим малым. Из-за него могут подумать, что я опоздал. А это плохо. Очень плохо.

Произнося вступительные слова проповеди, он не переставал думать о Феррисе: чудной, неуклюжий малый, не умеющий даже толком поблагодарить прихожанок, дарящих ему на Рождество сигареты, но, как правило, на редкость исполнительный. Так что если бы вдруг объявили о наступлении Судного Дня, все в церкви можно было бы предъявить проверяющему ангелу без какой-либо предварительной проверки. Но довольным жизнью его не назовешь, нет, не назовешь. А такие вещи сразу бросаются в глаза, и люди, и без того настроенные против верующих, еще больше укрепляются в своих предрассудках.

Две пожилые дамы вторили проповеднику так громогласно — словно игроки в покер, поднимающие ставки, — что могло показаться, будто в приделе полно народа. Перенося треск с одной стороны алтаря — оттуда, где зачитываются апостольские послания, на другую, где звучат слова евангелистов, Стэнли с удивлением заметил, что прихожан стало на одного больше — и не за счет наполовину парализованной мисс Беньон, а за счет некоего мужчины, что уже само по себе являло совершенно необычную картину для столь раннего часа в рабочий день. Обхватив голову руками, он стоял на коленях, и если бы не эта необычная поза, вполне мог бы сойти за манекен, выставленный в витрине магазина.

«Наверное, ждет викария, чтобы прикоснуться к сутане», — решил Стэнли. В свои шестнадцать он, несмотря на тридцатилетнюю или даже более того разницу в возрасте, был более искушен и циничен, нежели тот, кому он прислуживал. Но когда пришло время обходить приход с сумкой для пожертвований, он с удивлением убедился, что незнакомец исчез. Наверное, незаметно удалился во время произнесения символа веры.

«Наверное, просто какой-то бездельник, — решил про себя Стэнли. — Или, может, напрямик отправился в пасторский дом». Но, как выяснилось, он ошибался. Незнакомец просто испарился. Впоследствии Стэнли пришлось немало поломать голову над тем, что в тот момент показалось ему не заслуживающим внимания эпизодом.

После общего причастия случилась вторая удивительная вещь — а можно сказать, и третья. Первой был рано оборвавшийся звон колокола; второй — появление в церкви незнакомого мужчины, а вот теперь, во время молитвы освящения, когда следом за звоном колокола мессы должен был немедленно последовать троекратный удар большого колокола самой церкви, — мертвая тишина.

— Устал парнишка, устал, — пробормотал мистер Фейн, выдержав паузу, достаточно продолжительную для того, чтобы обе пожилые дамы поняли, что он ожидает начала колокольного звона, и продолжили свой речитатив. Да, и еще надо придумать, как ускользнуть от них по окончании службы, иначе им захочется выяснить, что же все-таки случилось: любой приход видит в своем викарии ходячую энциклопедию, ну а сами пасторы, которым ничто человеческое не чуждо, поддерживают в них эту трогательную веру в себя.

— Заболел, наверное, наш Феррис, — вернувшись в ризницу и освобождаясь от своих одеяний, сказал мистер Фейн. — Так-то вот. Заболел. Бедняга. Отравился, знаешь ли, газами на войне.

— Да, я тоже это слышал, — подтвердил Стэнли.

— Потому-то и колокол замолчал до времени. Точно. Домой ушел, наверное. Миссис Феррис — славная женщина, — серьезно добавил он. — В церковь, правда, не ходит, но женщина славная и к Феррису хорошо относится. В воскресную школу сына посылает. Надеюсь, ничего

серьезного, хотя кто знает. Может, приступ тошноты, это с ним бывает.

Стэнли слишком привык к разговорам викария с самим собой, чтобы обращать на них хоть какое-то внимание. К тому же у него совсем не было времени. Надо было как можно скорее уходить отсюда, пока его не попросили остаться и поработать звонарем перед очередной, восьмичасовой, службой. А ждать он не мог, знал, что другого служки к восьмичасовой не будет. В приходе, состоящем в основном из рабочего люда, их в такой час найти трудно. Большинство, едва успев проглотить завтрак, идут к половине девятого на работу. Выходя из церкви, Стэнли вспомнил про незнакомца и поспешно повертел головой, но того нигде не было видно — ни на крыльце, ни у входа в пасторский дом, ни на самой улице. Может, он и не хотел вовсе прикасаться к сутане викария, может, это один из тех парней, которые верят: если на минуту зайти в церковь, начинающийся важный день сложится удачно. Стэнли встречался с такими: направляясь на скачки, где от пары лошадей зависит, быть может, все их будущее, они по пути заскакивают в церковь, хотя спроси их зачем — не ответят. Это нечто вроде старинных поверий, заставлявших дикарей приносить жертвы духам ветра, воды и гор в надежде на их защиту. Стэнли знал, что множество подобных примет еще не изжило себя, знал на самом деле гораздо больше, чем викарий.

Мистер Фейн подождал еще немного, соблюдая приличия, а потом незаметно вы-

скользнул из ризницы. Он надеялся, что если ему удастся, не привлекая к себе внимания, добраться до статуи Святой Этельберги и опуститься перед ней на колени, можно будет продержаться в таком положении до тех пор, пока обе пожилые дамы не уйдут из церкви. Но, как он и опасался, его опередила миссис Маллинз. Когда викарий подошел к изваянию святой покровительницы, она уже была там.

— Надеюсь, ничего серьезного... — едва увидев его, заговорила миссис Маллинз. — Я имею в виду колокол...

— Бедняге Феррису стало плохо. Обычный приступ тошноты, — раздраженно перебил ее викарий. Теперь он и сам уверовал в то, что ему говорили про этот недуг звонаря. — Неприятно, конечно, но ничего катастрофического... разве что, возможно, для миссис Феррис.

— Конечно, конечно, — выдохнула миссис Маллинз, явно довольная этим коротким личным разговором. — Как жаль, что она не ходит в церковь.

— Славная женщина, — пропыхтел мистер Фейн, — очень славная женщина. — Он подумал, что в брачной жизни есть свои положительные стороны. Будь у него жена, она могла бы решительно войти в церковь и заявить властным тоном: «Вот что, Артур, уже второй раз на этой неделе у нас замерзает пикша». Более того, будь у него жена, он сам обучил бы ее такому трюку. Это сильно
12 облегчило бы жизнь. Но с другой стороны,

подумал он, пришлось бы постоянно терпеть ее у себя дома, и, глядишь, она превратилась бы во вторую миссис Маллинз, так что, может, пусть лучше будет все как есть.

В тот самый момент, как он пришел к этому заключению, в церковь, как бык, врезавшийся в ворота, влетел его молодой помощник. Не заметить его появления было невозможно.

— О господи, — нахмурилась миссис Маллинз. — Нельзя так пугать людей.

Викарий мгновенно встал на защиту второго священника.

— Царство Божье испытывает насилие, и насильник покушается на него, — провозгласил он. — А, это вы, Barton. — Наконец-то ему удалось отделаться от вдовы. — Феррис занедужил, у него случился очередной приступ тошноты. Весьма печально. Придется вам вызвать своего служку, чтобы было кому позвонить в колокол к началу проповеди.

— Нынче утром служки не будет, — жизнерадостно сообщил мистер Barton. — Ну да ничего страшного, разок можно и без него обойтись. У всех есть часы, а неверующие будут только благодарны за то, что их не разбудили.

Миссис Маллинз решила, что пробил ее час.

— Быть может, я...

— Нет, нет, — вздрогнув, слабо выговорил викарий.

— Ну конечно же нет, — подтвердил Barton. — Это не обсуждается. Невозможно

физически. Представляете себе вес колокола? Неудивительно, что с Феррисом случился приступ. Вполне возможно, что в один прекрасный день его найдут цепляющимся за веревку с сердечным приступом. — Он стремительно прошел мимо викария и миссис Маллинз и направился в ризницу. Миссис Маллинз посмотрела ему вслед, а когда вновь повернулась к мистеру Фейну, он уже опустился на колени перед скамьей и благоговейно прикрыл глаза ладонью. Она глубоко вздохнула и вышла из церкви.

— Что-то ты сегодня поздно, малыш, — ласково и с некоторой тревогой сказала миссис Хоуп, когда ее сын ворвался в дом.

— У Ферриса опять приступ. Пришлось задержаться, чтобы все приготовить к восьмичасовой заутрене. Другого служки не нашлось.

— Меня это не удивляет, — заметила миссис Хоуп, походившая на миссис Феррис в том отношении, что тоже не чрезмерно обременяла церковь своими посещениями. — Все эти клоуны... Им и в голову не приходит, что мальчишки работают, а не сидят дома в первой половине дня с книгой в руках, а во второй разъезжают на своих маленьких автомобильчиках, навещая пожилых леди. — Она со стуком поставила перед ним тарелку с яичницей и беконом. — Не ешь так быстро, кишки сожжешь.

— Опаздываю, — сообщил Стэнли, поспешно
14 заглатывая яичницу. — Возможно, старый

Потифар, если только я буду работать не хуже прежнего, поставит меня за прилавок, а это означает повышение. И знаешь, может, в один прекрасный день я стану хозяином этого магазина.

— Да что там магазина, — нежно проговорила мать, — бери выше.

— О чем это ты? — Стэнли даже поперхнулся от удивления.

— Целой сети магазинов. И меня это ничуть не удивит. А сейчас выпей еще чашку чая. Так что там, говоришь, стряслось с Феррисом?

— Очередной приступ тошноты. Его не оказалось на месте, когда надо было звонить в колокол.

— Один раз и сам мистер Фейн мог бы потрудиться.

— Викарий хороший человек. — Стэнли неожиданно посерьезнел. — Полночи проводит в больницах со страждущими и умирающими. А это, думаю, не очень большое удовольствие.

— Да ладно, — неопределенно отмахнулась миссис Хоуп. — За это он, отслужив свое в церкви, деньги получает. Все, готов? Смотри, поосторожнее там. Нечего валять дурака на Хай-стрит с этим малым из Бленкни. Мне совсем не хочется, чтобы тебя привезли домой на каталке, хотя для его матери это, возможно, было бы большим облегчением.

Стэнли нежно чмокнул ее в щеку и выскочил из дома. Вот так всегда, подумала миссис Хоуп, усаживаясь за стол, чтобы спокойно выпить чашку чая и полистать «Дейли миррор». Чудесно выглядит королева в этой новой шляпке. **15**